

№476 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Смысл церковной исповеди

Одно из распространённых заблуждений – когда человек думает, что всё понимает, только высказать не может – мол, как собачка умная такая. С этим предрассудком боролся ещё Сократ – он приставал к прохожим с глупыми на первый взгляд вопросами – наподобие, мол, скажите, пожалуйста, что такое справедливость? Или – что такое жизнь? Или – что есть долг? А ум – это что? Как правило, разговор начинался (если начинался) с презрительной ухмылки в адрес вопрошающего, дескать, выглядите по-дурачки, и вопросы у вас дурацкие. Дело в том, что физиогномика Сократа оставляла очень даже желать лучшего. Современники, описывая внешность философа, сравнивали его с сатиром – ну, чертом, по-простому.

Но высокомерный взгляд встречного сохранялся недолго. Мало ли, что мы с Вами живём – это вовсе не означает, что мы знаем, что есть жизнь. Или что такое любовь? И даже если Вы бойко ответили б, что справедливость – это когда всем поровну, Сократ задал бы Вам дюжину следующих вопросов, которые так или иначе поставили бы Вас в тупик. А почему поровну – это справедливо, когда один трудится прилежно, а другой бездельничает? А если труд одного более востребован и результативнее, разве он не достоин пользоваться большими благами? Или, если один одарён от Бога, а другой бездарь, но трудится изо всех сил, разве не справедливо талантливому поделиться с бездарным? И т.д. В результате такого совопросничества, одна категория собеседников Сократа оказывалась в тупике, а другая, в процессе формулирования ответов, начинала **понимать** предмет вопрошаний.

Примерно такая же проблема и с большинством из нас, когда речь идёт о нашей порочности и грехах. Нам кажется, что уж самих себя мы знаем хорошо, всю подноготную, до самых потаённых уголков подсознания. Ничего подобного, это заблуждение. Многие приходят в Церковь на исповедь с искренним желанием открыть свою душу, а не получается – в смысле, сказать о себе что-

то существенное. О чём чаще всего говорят на исповеди? Согрешил, батюшка – с женой повздорил, тещу обругал, на детей обида – не знаю, в кого они такие уродились и т.д. Хорошо, что люди хоть это говорят – значит, всё-таки какое-то хоть минимальное наблюдение за самими собою обретается. Потому что есть индивиды, которые вообще ничего не могут о себе сказать, мол, да, в общем, ничем особым и не грешен.

- А не особым?
- Да так, вроде и ничем.
- Так, выходит, вы святой праведник?
- Да нет, конечно. Грехи-то есть, наверное, какие-то. Кто его знает?

Такой вот диалог – он не так уж и редок – человек не способен говорить о своей внутренней жизни. Причём, мы сейчас не рассматриваем случай скрытности, когда кающийся просто не хочет говорить о своих прегрешениях. Он просто не может – какое-то десятое чувство ему подсказывает, что не всё в порядке у него с душой, а конкретно – полный тормоз.

Вывод, какой? Человек абсолютно не знает самого себя, хотя, с этим мало кто согласится. Дескать, как это я себя самого могу не знать? Ерунда какая! Любой человек знает себя самого! Просто сказать не умею. Точно, как домашний пёсик – он всё понимает, только сказать не может. Так вот посылка: «Любой человек знает самого себя» – ложная посылка, равно, как и заявление, что, мол – себя я знаю, оцениваю, просто не могу определить – выразить своё душевное состояние.

Да, позиционировать себя так удобно, но это самообман. Если ты хочешь, но не можешь о чём-то сказать, значит, ты об этом попросту не знаешь. Да, это правда – жестокая, колкая, но это правда.

Многие задают вопрос – а зачем исповедь, зачем о своих грехах и порочности говорить вслух, причём, в общем-то, человеку постороннему? Разве я не могу обратиться непосредственно к Богу за прощением своих грехов?

Ну, здесь сразу надо отметить некоторый перекосяк в понимании церковной исповеди. Довольно сильный крен здесь в сторону **прощения** грехов, упор на то, что, мол, я согрешил, и теперь хорошо бы, если Господь простил бы меня. Встречаются даже люди, которые сомневаются в том, что после всего того, что они натворили, Бог может их простить.

На самом деле, Божье прощение – это маленькая проблема, ничтожно мелкая, потому что, как мы постоянно твердим с Вами – Господь – любящий Отец наш Небесный, Который давно уже простил прегрешения, даже те, которые мы ещё не успели совершить. Да, на исповеди действительно мы просим у Бога прощения – это нормальный и даже необходимый жест кающегося человека по отношению к Всевышнему. Но, наверное, не зря сие Таинство издревле именуется не Таинством **исповеди**, а Таинством **Покаяния**. А покая-

ние - «μετάνοια» – это совсем не то же самое, что исповедь. Покаяние – это перемена ума, изменение сердца человеческого, его нутра. Можно каждый день исповедовать свои грехи, даже искренне, со слезами на глазах, просить у Бога прощения, но не меняться. Поэтому исповедь – не самоцель, она является одним из инструментов, **средств** покаяния, а не самим покаянием.

Механизм исповедания грехов на самом деле очень прозрачен.

Во-первых, для того, чтобы измениться к лучшему, мы должны сами для себя определиться, а что в нас негодное, болезненное. Ведь прежде, чем приступить к лечению, нужно установить диагноз, **обнаружить** болезнь. Но в отличие от телесных недугов, где этим занимается врач, духовные заболевания должен найти в себе и осознать их сам болящий. И здесь очень важно, в первую очередь, для самого кающегося, **проговорить** свои грехи, охарактеризовать своё внутреннее состояние, потому как, зачастую, мы только думаем, что понимаем свои духовные проблемы, нам только кажется, что с нами всё ясно. А вот по мере того, как мы словесно описываем своё душевное состояние, мы начинаем **реально** понимать самих себя и свою порочность. А, следовательно, появляется чёткое представление о нашем внутреннем враге, с которым предстоит серьёзная борьба.

Исповедь – в той или иной мере ещё и подвиг, а иногда даже и героизм. Многим из нас **трудно** говорить о себе с неприглядной стороны. Мы, ведь, наоборот, всегда стараемся казаться лучшими, чем мы есть, причём, не только перед другими, а даже и перед самими собой. И это, зачастую, ломка, иногда очень даже болезненная, когда мы пытаемся раздавить самого злейшего врага в самих себе – гордыню – мать всех грехов и пороков, по справедливому высказыванию многих святых отцов.

Исповедь перед духовником не получится, если мы не навыкнем ежедневно и ежечасно исповедоваться **себе самим** наедине перед Богом. Если мы хотим идти путём совершенства в Царствие Небесное, приближаясь ко Всевышнему, мы должны быть в состоянии духовного бодрствования, **постоянно оценивая** свои поступки, слова, мысли и мотивации. Прежде, чем что-то сказать или сделать, надо подумать – а **праведно** ли это будет пред Господом? Или на это толкает наша внутренняя порочность? И если исповедь перед самими собою будет для нас естественным, **постоянным** состоянием, в таком случае, на исповеди перед духовником у нас не будет никаких трудностей.

Священник, принимающий исповедь - и это нужно ясно понимать – не уполномочен прощать грехи. Грехи прощает только Бог. Духовник в данном случае является, во-первых, **свидетелем** покаяния. Во-вторых, **молитвенником** о Благодатной помощи исповедавшему грехи свои, молящимся о Божьей помощи в исправлении, в освобождении от

греховной зависимости духовного чада. Помните, мы с Вами подчёркивали те реалии, что чтобы высвободиться из трясины греховного болота, зачастую своих собственных сил не достаточно. Так вот, значит, пресвитер от имени всей Церкви обращается к Богу за Благодатной поддержкой кающемуся в исправлении.

В-третьих, духовник свидетельствует о Божьей любви к нам, грешникам, и Его всепрощении.

В-четвёртых, пресвитер, являясь уполномоченным представителем Церкви, так сказать, провозглашает акт **присоединения кающегося к Церкви**. Ну, мы говорили с Вами, что грехи наши отлучают нас от Бога и отсекают нас от Церкви как мистического Тела Христова, а в покаянии, наоборот, мы вновь возвращаемся в Небесный дом Отчий, вновь прирастаем ко Христу и становимся клеточкой Его Тела.

Ну и последнее, задача духовника - **наставление** кающегося. Если священник опытный, он может поделиться, как своим личным опытом, так и свято-отеческим – опытом Церкви - подсказать стратегию борьбы с грехом, предложить ряд духовных технологий в исправлении того или иного вида порочности. С духовником можно посоветоваться относительно непростых обстоятельств, которые иногда возникают в нашей жизни, и этот совет может оказаться весьма полезным. Хотя, не факт. Священнослужитель – такой же человек, склонный ошибаться, который может быть умным или не очень, многоопытным или начинающим. В конце концов, даже прекрасный душ-пастырь может оказаться, так сказать, не на вашей волне. Его жизненный опыт, возможно, будет диссонировать с Вашим, и взаимопонимание между Вами и духовником может быть весьма затруднительным.

Поэтому, в совершении Таинства Покаяния важно **правильно избрать** себе духовника – не с точки зрения комфортности, дескать, пойду к **этому** батюшке - у него исповедоваться - сплошное удовольствие – поговорили по душам, молитвочку прочитал и – до свидания, а с точки зрения пользы душе. Елейное успокоение духовного чада не то, чтобы не должно иметь места, иногда оно даже необходимо, однако – главное – результат. Эффективное лечение иногда бывает весьма болезненным. Хорош врач не тот, кто говорит приятные вещи, а который по-настоящему лечит. Ну вот, где-то так.

Великий пост, как мы неоднократно подчёркивали с Вами – особое время покаяния, а значит, и Церковной исповеди. Если мы в **обычные** дни года, как христиане, должны исповедовать свои грехи, то тем более в период святой Четыредесятницы. Дай нам, Господи, совершать сие с огромной пользой для души, как средство подлинной перемены ума и сердца к нашему очищению и просвещению.

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*